

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПРИКВЕЛ КИНОХИТА

ХИЩНИК™

ДЖЕЙМС А. МУР

ОХОТНИКИ И ЖЕРТВЫ

ОСНОВАНО НА СЦЕНАРИИ ФРЕДА ДЕККЕРА И ШЕЙНА БЛЭКА

С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЕРСОНАЖЕЙ ДЖИМА ТОМАСА И ДЖОНА ТОМАСА

РЕЖИССЕР ШЕЙН БЛЭК

Джеймс А. Мур
Хищник: Охотники и жертвы
Серия «Чужой против Хищника»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37676857

Д. А. Мур. Хищник: Охотники и жертвы: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2018

ISBN 978-5-17-109021-0

Аннотация

На протяжении веков воинственные инопланетяне посещают Землю и охотятся на лучших воителей человечества. Их цели остаются неизвестными. Выследив и убив свою жертву, эти смертоносные охотники исчезают так же незаметно, как и прибывают, не оставляя за собой ни одного следа за исключением кучи мертвых тел.

Когда Роджер Эллиотт столкнулся с подобным созданием во время войны во Вьетнаме, он не рассчитывал уцелеть. Не ожидал он и того, что несколько десятилетий спустя он будет тренировать Жнецов, тайный боевой отряд, приписанный к проекту «Звездочёт». Их цель: поймать одного из подобных существ, доказать его существование, разобраться в его технологиях и уравнять баланс между охотниками и жертвами.

Этот оригинальный роман является предысторией событий, легших в основу сюжета долгожданного кинохита «ХИЩНИК».

Джеймс Мур

Хищник: Охотники и жертвы

James A. Moore

The Predatortm: Hunters and Hunted. The Official Movie
Prequel

© 2018 Twentieth Century Fox Film Corporation. All Rights
Reserved

* * *

*Этот роман посвящается Стиву Саффелю за
его изумительное терпение, Тессе за любовь и Тони
Тремблаю за дружбу. Спасибо вам всем!*

1

Центральноамериканская жара душила. Влажность стояла такая, словно они работали в сауне. Но они бывали и в худших условиях. Это все часть подготовки.

Никто из Жнецов не моргал. Никогда. Никогда, если дело доходило до боя. Никогда, если дело касалось выполнения своего долга. Они были круты, они были опасны, и они об этом знали.

Официально их не существовало. Жнецы не фигурировали ни в одних документах, особенно в военных. Так было нужно, поскольку, официально, их целей тоже не существовало. Военные лишь недоуменно хмурились при упоминании идеи охоты на внеземные формы жизни.

Они тренировались вместе уже несколько месяцев, с того самого дня генерал Вудхёрст и Роджер Эллиотт из ЦРУ, человек, непосредственно отвечавший за их особые тренировки, лично отобрали их для участия в проекте. Они превратились в настолько слаженный механизм, насколько Эрик Томлин вообще мог надеяться. Никто и не думал сомневаться в своих приказах. Во время этого задания их цели были явно земного происхождения – свыше десятка людей, возможно даже все двадцать, с серьезным снаряжением и слишком большим количеством связей в наркобизнесе. Мишени может и не столь экзотичные, как те, к которым их готовили, зато эти «импортеры» помогут Жнецам выработать все детали командного взаимодействия.

Так вот они и оказались посреди нигде, десантировавшись в самый темный ночной час. Вокруг не было уличных огней. Проклятье, и дорога-то тут была всего одна, и притом не шибко отличалась от обычной тропинки. Тяжелая листва бы-

ла пропитана влагой, повсюду сновали насекомые. Их шансы на обнаружение целиком и полностью зависели от того, есть ли у их целей собаки. Потому что продвинутого снаряжения, которое позволило бы засечь приближающегося противника, у этих ребят точно не было.

Никто не лаял. Собак у них тоже не было.

Неплохо.

– Итак, парни, пора выполнить свой гражданский долг, – произнес Томлин, и с этими словами все приступили к работе.

Беззвучно ступая, они все ближе и ближе продвигались к своей цели – ангару из гофрированного железа. Собранные ими разведанные указывали на то, что все цели будут внутри. Двери были открыты, но изнутри сочился только слабый, тусклый свет.

Рядом с Томлином шел Хайд. Эрик еще не встречал более хладнокровного в бою человека. Вместо огнестрела Хайд был вооружен двумя очень длинными ножами. Он двинулся вперед всех, выполняя функции разведчика, готовый устранить любого, кого он встретит. Хайд специализировался на мокрухе. Да что там, если верить нескольким парням, Хайд просто наслаждался убийством. Не важно. До тех пор, пока он хорошо справляется со своей работой – а он справлялся, – Томлина все устраивало.

Остальные бойцы затаились в подлеске. Все были готовы действовать, но, как и Томлин, парни ждали сигнала от Хай-

да.

Затем начался дождь. Три крупные теплые капли растеклись по шлему Томлина, а затем разверзлись хляби небесные, и вниз обрушилось гигантское количество воды. Никакого переходного момента не было. Вот только что стояла тишина, а в следующий миг Жнецы уже оказались во власти дождя и ветра. Хорошо. Внезапный рев стихии поможет замаскировать их присутствие.

Спустя всего несколько секунд после начала ливня они увидели сигнал Хайда. Выскользнув из теней, они быстро и бесшумно устремились к открытым дверям ангара. Заняв позиции по обе стороны от входа, солдаты не увидели никого, по крайней мере, пока. Затем они проскользнули внутрь. Внутри длинными ровными рядами красовались уложенные на паллеты штабеля коробок. Томлин приказал Жнецам разбиться на три группы. Солдаты выполнили приказ без единого звука. Два бойца, кутаясь в тених, двинулись в каждом направлении. Никогда не угадаешь, откуда появится компания.

Прямо перед собой Томлин заметил тень, выбивающуюся из царящей внутри ангара сумеречной тьмы. Внутри было освещение, но оно лишь озаряло силуэты проходов, проложенных между вздымающимися вверх островками коробок с припасами и готовым продуктом. Этой тенью был Хайд, и он продвигался вперед. Боец сделал три шага, затем предостерегающе вскинул руку и нырнул в очередной бассейн тьмы за

мгновение до того, как в поле зрения показались двое мужчин в джинсах и черных футболках.

Шагов слышно не было. «Должно быть, у их ботинок полиуретановая подошва», – подумал Томлин. Он напрягся, готовясь к схватке, если до нее дойдет, но он мог и не напрягаться так. Хайд сзади подошел вплотную к человеку слева и утащил его во тьму прямо в тот момент, как его спутник, поглядывая в другую сторону, принялся что-то говорить.

Ни одно движение не выдало исчезновение первого наркоторговца. Не дождавшись ответа, его спутник остановился и озадаченно, но пока без настороженности во взгляде, огляделся по сторонам. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но тут из темноты снова возник Хайд, зажал своей жертве рот рукой и одним плавным движением перерезал горло, заставив замолчать навсегда.

Подхватив тело, прежде чем оно рухнуло вниз, Хайд беззвучно уложил труп на пол и потащил в темноту.

А затем все пошло наперекосяк.

Еще один член наркокартеля возник из темноты и запнулся о Хайда, волочившего труп по бетонному полу. Прежде чем кто-либо успел среагировать, парень издал удивленный вопль, и секунду спустя из темноты донеслись новые голоса.

Не было ни сигналов тревоги, ни криков сирены. Просто в один момент несколько вооруженных автоматами мужчин, желавших, чтобы их бизнес оставили в покое, собрались вместе и отправились на поиски врага. Но их движения

были неуклюжими и неорганизованными, в них прослеживались нотки паники. По сравнению со Жнецами наркоторговцы были жалкими любителями. Однако недостаток подготовки они сполна компенсировали огневой мощью.

Хуже того, совершенно неожиданно их оказалось больше двадцати.

Но даже так они не шли ни в какое сравнение со Жнецами. Противник рассеялся по всем направлениям. Всякий раз, как очередной наркоторговец паниковал и начинал стрелять по теням, по помещению эхом разносился громкий треск автоматического выстрела. Ангар же озарялся слепящим светом, делавшим темноту еще темнее.

Трое бандитов поравнялись с укрытием Томлина. Три прицельных выстрела из «Беретты М9» стандартного образца уложили все троицу прежде, чем кто-либо успел пикнуть.

Время от времени стрельба сопровождалась криками. Прежде чем Жнецы закончили, количество тел перевалило за тридцать. На зачистку помещения у них ушло меньше пяти минут. Стоило в ангаре снова воцариться тишине, Томлин приказал своим людям обыскать помещение до конца, пользуясь заранее установленными маршрутами. Как только они убедились, что уцелевших не осталось, Стрэнд приступил к работе.

Томлин быстро прошел мимо лаборатории и обнаружил центральный офис в точности там, где пророчила разведка. Ни один из ящиков не был заперт, поэтому Эрик быстро

нашел искомое, упаковал и ретировался обратно. Пробегая назад мимо рядов стоящих друг на друге ящиков, Томлин знаком приказал остальным следовать за ним, и вся группа устремилась обратно в джунгли.

Спустя четыре минуты после того, как последнее тело упало на бетонный пол, а все разведданные были собраны, ангар взлетел на воздух в оглушающей вспышке пламени.

Жнецы покинули местность, не теряя времени. Не зная, не спугнул ли взрыв какие-нибудь патрули, бойцы беззвучно продвигались через подлесок. Дождь немного ослаб, но по-прежнему лило как из ведра. Несмотря на высокотехнологичную начинку шлема, Томлин все равно не мог различить впереди больше двух бойцов. Но он знал, что все его люди там.

Заранее назначенное место сбора было уже близко, и они все еще не встретили никакого сопротивления. Даже если в округе и были какие-то патрули, они, скорее всего, удрали куда подальше, как только ангар взлетел на воздух, словно праздничный фейерверк на День независимости.

* * *

Обратный полет прошел без сучка и задоринки, но никто из Жнецов не обратил на это особого внимания. Им хватало и других забот помимо турбулентности.

Томлин принялся сортировать свое снаряжение и разгля-

дывать салон самолета. Жнецы не носили знаков отличия. Это было частью их природы, частью их работы. На время этой миссии их сдали в аренду ЦРУ, что, учитывая скрытый характер деятельности отряда, казалось совершенно логичным.

– Ты с нами, Томлин? – по его шлему постучали, а в мысли Эрика прорвался голос Девона Хилла. Томлин покосился на своего зама.

– А где еще мне быть? – с улыбкой спросил он.

Хилл вернул улыбку, хотя в ней не было ни грамма тепла.

– На Марсе? Проклятье, я не знаю. Ты скажи мне. – Хилл был крупным мужчиной. Его темно-коричневое тело закалили упорные, тяжелые тренировки. Этот человек был способен пробежать пятнадцать миль в полной выкладке и даже не вспотеть. Как и все Жнецы, он очень серьезно относился к своему образу жизни. Хилл наградил Томлина ястребиным взглядом, и командир отряда на своей шкуре понял, что чувствуют кролики. Затем зам вернулся к своему собственному снаряжению.

Томлин знал, что бывший «морской котик» Хилл сам хотел стать командиром. Не потому, что сомневался в способностях Эрика, а потому что был попросту одержим желанием стать лучшим из лучших. Для Хилла командирская должность была доказательством того, что он преуспел в своем стремлении. Ничего личного.

Вот только Томлин по-прежнему чувствовал себя жерт-

вой.

– Засек кое-какой треп, – сообщил Орологас, – похоже, Вудхёрст вернулся. Интересно, мы еще не стали безработными?

– Узнаем, когда вернемся, – ответил Томлин, пожав плечами. – Не вижу смысла беспокоиться об этом сейчас.

По правде говоря, ему не было до этого никакого дела. Генерал Вудхёрст руководил Жнецами и заправлял всем проектом «Звездочёт». Слухи о бюджетных сокращениях, полном закрытии проекта или о других вещах, которые могли пойти не так, ходили с самого первого дня. До сих пор ничего подобного не произошло, и Томлин стал попросту пропускать все эти разговоры мимо ушей.

Они все еще были в деле, потому что Вудхёрст был умен. Он умел находить способы выполнить нужную работу, наподобие той миссии, которую Жнецы только что завершили, причем весьма успешно. Официально их не было в Центральной Америке. Официально они не уничтожали наркокартель, члены которого придумывали новые, более изощренные способы посадить глупеньких детишек из колледжа на тяжелые наркотики. Официально Жнецов вообще не существовало, и все же они только что побывали в Никарагуа, устранили целую толпу противников и уничтожили одну из наиболее активных лабораторий, разрабатывающих новейшую разновидность синтетического кокаина.

Уложив снаряжение должным образом, Томлин занял

свободное место и оглядел свою команду. В комплекте к Хиллу, которого перевели в Жнецы из «морских котиков», шел Элмор Стрэнд, бесспорно самый напряженный человек из всех, кого когда-либо встречал Томлин. По сравнению со Стрэндом Хилл был расслаблен словно растаман.

Стрэнд специализировался на взрывчатке. Он мог собрать бомбу. Мог обезвредить. Скорее всего, он бы и ядерную боеголовку собрал и разобрал на коленке, но у него не было на то причины... пока что. Холоднее айсберга зимой, и в то же время Томлин никогда не встречал никого более эффективного. Но когда наступало время расслабиться, Стрэнд становился капризным. Мог ввязаться в драку по пустякам. Возможно, эти две характеристики были как-то связаны. Человек справлялся с давлением столько, сколько требовалось, но затем ему необходимо было спустить пар.

Специалист по взрывчатке всегда был гладко выбрит, включая голову. Хотя он был ниже и тоньше остальных членов команды, Стрэнд пахал наравне со всеми, был искусен в рукопашном бою и отлично стрелял. И в то же время Хилл выразился поразительно точно: у этого человека были мертвые глаза.

Но каким бы пугающим не казался Стрэнд, Джермейн Хайд был еще хуже. Работа под прикрытием требует мокрухи, и Хайд был их специалистом по мокрому делу. Были случаи, когда его забрасывали на точку раньше всей остальной команды, и к тому моменту, когда остальные добивались

до цели, Хайд уже справлялся со всей работой в одиночку. Он не только достиг совершенства в беззвучном убийстве, он еще и наслаждался процессом – слишком сильно для спокойствия Томлина.

Хайд отличался высоким ростом и худощавостью, его мышцы были туго натянуты, а кожа чиста, как при рождении. У большинства членов группы были те или иные татуировки, а вот Хайду совершенно не нравилась сама концепция. Хотя, возможно, дело было в другом: Томлин еще никогда не встречал человека с более темным цветом кожи. А если и были люди, которые говорили меньше Хайда, то их Томлин тоже не встречал. Хайд отвечал на вопросы и иногда даже шутил, но в основном он подавал голос только в том случае, когда нужно было подтвердить приказ.

На противоположном конце спектра был Кайл Пулвер. Кожа Пулвера была веснушчатым беспорядком – она не загорала, а сразу сгорала, и когда она сгорала, веснушки выступали на ней подобно шрамам. У Пулвера была беспечная улыбка, он практически безостановочно шутил, но только когда дело было сделано. И никогда не подшучивал над другими членами команды. Такого не случалось. Люди, подобные Жнецам, могли рассмеяться при виде занявшегося фейерверка или могли положить несколько человек, просто чтобы определить, с какой стороны стреляют.

Пулвер закончил со своим снаряжением и теперь тасовал карты с легкостью, которой бы позавидовали большинство

крупье из Вегаса. Он взглянул на Томлина и кивнул. Другого подтверждения командир не дождался. С точки зрения Кай-ла Пулвера миссия заканчивалась только тогда, когда они возвращались на базу. В этом все Жнецы были с ним согласны.

Дмитрий Орологас был их специалистом по связи. Он говорил на столь многих языках, что невозможно сосчитать, и обладал навыками, позволяющими с легкостью перебрать радио. Орологас стригся коротко, а лицо его покрывала щетина, которая, казалось, отрастала сразу же после того, как он ее сбривал. Широкие черты лица связиста обычно хранили совершенно нейтральное выражение, а наиболее счастливым он выглядел в моменты, когда переводил с одного языка на другой.

Томлин в университете заporол испанский и никогда к нему не возвращался, так что он был рад, что рядом всегда был кто-то, кому действительно нравилось знать, кто что говорит в каждый отдельно взятый момент времени.

Где-то среди всей документации проекта «Звездочёт» хранился звуковой файл, на котором была, предположительно, записана речь пришельца, говорившего на инопланетном языке. Томлин слышал эту запись и не услышал ничего кроме бульканья и каких-то щелчков. Орологас тоже слышал эту запись, и она сводила его с ума. Он постоянно пытался перевести ее во что-то осмысленное, но пока что успеха не добился.

Орологас любил поговорить, но ненавидел пустой треп. Еще он был отличным поваром и приличным полевым медиком. В данный момент он общался с Эдвардом Кингом, штатным медиком отряда. Но Кинг был не просто медиком, а военно-полевым хирургом. А еще Кинг был солдатом, который выполнял приказы не хуже всех остальных. Судя по доносящимся обрывкам разговора, Орологас помогал Кингу учить второй язык. Томлин был почти уверен, что это французский, но не собирался уточнять.

Последним членом команды был Стив Берк. Он сидел в своем кресле, чинно пристегнувшись, словно добропорядочный, часто летающий пассажир. Как и Пулвер, он специализировался в тяжелой артиллерии, а также отвечал за безопасность всего отряда.

Хилл огляделся по сторонам и оскалился, потеряв плечо. Он одолел человека, весившего килограммов на пятьдесят тяжелее его, и одолел без вопросов, но в процессе потянул несколько мышц.

– Я знаю, что это планировалось как хорошая тренировка, – прорычал он достаточно громко, чтобы его можно было различить за гулом двигателей, – чтобы подготовить нас к тому, для чего нас наняли. Но лично мне кажется, что кучка сраных торговцев наркотиками, да к тому же весьма неумелых, не тянет на серьезный вызов.

– Ну, это лучше, чем видеоигры, – ответил Томлин.

Хилл фыркнул, а затем улыбнулся. Первые четыре меся-

да их подготовки состояли как раз из игр в виртуальной реальности. Это было забавно, Жнецы научились пользоваться несколькими новыми разновидностями оружия и познакомились с широким перечнем вариантов местности и сценариев ведения боя, причем не все из них разворачивались на поверхности Земли. Но эти тренировки практически никак не сказались на их физических рефлексах и способности работать в команде.

И хотя Томлин был рад тому, что миссия закончилась успешно, он не особо любил спецоперации. Эрик подписывался вовсе не на это, однако же, он видел преимущества своей «аренды» в ЦРУ и других организациях. Жнецы отлично справлялись с работой – продуктивной, выгодной работой, – и учились действовать слаженной командой. Ну и в качестве бонуса они остановили нескольких ублюдков, планировавших поставлять свою отраву в Штаты. У Томлина был младший брат и две сестрички. Если он мог позаботиться о том, чтобы они не вляпались в подобное дерьмо, тем лучше.

– Я всего лишь говорю, что предпочел бы встретиться с кем-то, кто заставил бы нас попотеть, – без оттенка сарказма в голосе произнес Хилл, – и заняться тем, ради чего нас выбрали.

– Аналогично, – кивнул Томлин. Несколько других членов команды повторили его жест.

Погода снаружи становилась все хуже. Их транспорт дер-

нулся, а затем рухнул вниз на пару сотен метров. Те, кто был пристегнут, просто расслабились и наслаждались аттракционом. Те, кто не был, схватились за ближайший поручень и постарались переждать турбулентность. Кто-то хмыкнул, но настоящего беспокойства ни один не проявил.

Они приближались к южной Джорджии, где местность была равнинной, влажной и жаркой. Согласно приложению в телефоне, снаружи было тридцать семь по Цельсию, влажность сто процентов. Согласно этому же приложению, температура снаружи ощущалась как сорок три по Цельсию – норма для конца лета. По сравнению с тем местом, из которого они только вернулись, тут было мило и прохладно.

База лежала прямо перед ними, прилепившись вплотную к плотине гидроэлектростанции, вдали от крупных городских центров. Немногие распознали бы в этом строении военную базу. Идеальное место для отряда, которого не существовало.

– Мы дома, парни, – произнес Томлин.

Джермейн Хайд взглянул на него и кивнул. Боец ничего не произнес, но на лице его на мгновение промелькнула улыбка. У Хайда была прекрасная улыбка, которой он почти не пользовался. Некоторые вещи просто не предназначались для частого явления миру.

Было почти восемь часов утра. День только начинался.

Вудхёрст посмотрел на свое отражение. Все было в порядке: форма выглажена и накрахмалена, волосы уложены, а остальное не имело значения.

Однако последняя поездка в Вашингтон прошла не по плану, и, несмотря на все усилия, он так и не смог разжать челюсти.

Когда он вышел из своих апартаментов, Папаша уже ждал его.

Роджер Эллиотт не был военным – уже не был. Он не был военным уже долгое время, но Вудхёрста это вполне устраивало. Цэрэушник был одет в черные брюки и черную рубашку. Его волосы были слишком длинными, на лице отросла многодневная щетина. Несмотря на это, у мужчин было достаточно много общего, чтобы они отлично работали вместе.

Задачей Вудхёрста было определение, а по возможности и поимка пришельца. Существа, рожденного на другой планете. Для осуществления этой цели у него была подобрана специальная команда бойцов. Жнецы были одним из самых подготовленных подразделений в мире, они были способны ударить быстро и безжалостно. Они могли отправиться на неизведанную территорию, разбить лагерь, определить и вывезти свою цель – и все это в пределах нескольких часов. Он знал это наверняка, поскольку Жнецы уже участвовали

в нескольких операциях на территориях нескольких стран и отлично себя зарекомендовали. Компьютерные симуляции только подтверждали эти факты.

И как бы Вудхёрсту не хотелось поставить их навыки себе в заслуги, генерал знал, что за них нужно благодарить не его. Да, он присматривал за всем проектом, но непосредственно тренировками заведовал человек из ЦРУ. Папаша Эллиотт был достаточно стар, чтобы задуматься о пенсии, но генерал понимал: при его жизни подобного не произойдет. Вудхёрст и сам был одержим своей работой, но по сравнению с Эллиоттом порой чувствовал себя бездельником.

А еще Эллиотт был четко сфокусирован на одной-единственной цели. Больше всего в жизни он хотел найти, поймать, допросить или же порезать на кусочки и препарировать инопланетянина. Он жаждал этого словно хищник, истосковавшийся по свежему мясу, поскольку, в отличие от всех остальных обитателей базы «Звездочёт», он действительно сталкивался с существом с другой планеты.

Согласно докладам, Папаша Эллиотт повстречал инопланетянина в Юго-Восточной Азии. Доступ ко всем деталям этого инцидента был ограничен, но у Вудхёрста были все необходимые права доступа, так что он изучил все файлы. С чем бы ни столкнулись Эллиотт и его люди во время Вьетнамской войны, это существо было крупнее человека, обладало продвинутой маскировочной технологией и перебило большинство его бойцов прежде, чем бесследно исчезнуть.

В докладе содержались три зернистых фотографии корабля, на одной из которых виднелось несколько человеческих тел разной степени расчлененности. Согласно докладу Эллиотта, они были «освежеваны и разделаны словно косуля в охотничий сезон», и его описание было предельно точным. Вудхёрст не знал, существовали ли какие-либо другие доказательства, но рассказы, которые он слышал время от времени, практически не оставляли в этом сомнений.

Эллиотт не знал, почему ему сохранили жизнь. Этот факт преследовал его точно так же, как воспоминания о резне преследуют уцелевших. Папаша заведовал во Вьетнаме секретными операциями, и хотя некоторые отмахивались от его заявлений, Эллиотт остался в ЦРУ и по-прежнему чисто технически оставался частью Агентства, пусть в эти дни он и находился «в постоянной аренде» у Вудхёрста и проекта «Звездочёт».

Его одержимость пережитым, его желание узнать все возможное о контакте с инопланетным разумом, и его многолетний опыт в мокрухе и тайных операциях делали Папашу бесценным активом.

И пока что агент еще ни разу не подвел Вудхёрста.

Когда дверь открылась, Эллиотт кивнул. Вудхёрст кивнул в ответ и пошел по коридору, а его друг пристроился рядом.

– Ты не выглядишь счастливым.

– Нечему радоваться, – ответил Вудхёрст.

– Они опять урезали бюджет?

Генерал фыркнул.

– Если они попытаются резать чуть глубже, то наткнутся на кость.

Эллиотт кивнул:

– Нам нужны доказательства.

– Сложно найти доказательства без полноценного контакта, не так ли? – спросил Вудхёрст. – Единственному физическому доказательству, что у нас есть, уже несколько десятков лет, да и то крохоборы сочли его «неубедительным». Прошло уже много лет, а мы все еще ждем.

– Со времен Лос-Анджелеса ничего нового.

Вудхёрст кивнул. Это было все, что он мог предложить.

– Куча слухов, но это все та же старая песня. Если инопланетяне и посещают нашу планету, они не выдают своего присутствия. А нам нужно найти какие-то доказательства, иначе эти засранцы придумают другие способы потратить деньги.

Эллиотт скорчил гримасу:

– Им должно быть достаточно имеющихся доказательств.

– У политиков очень короткая память, для реализации собственных целей они видят везде то, что хотят увидеть, – возразил Вудхёрст. – Они говорят, что этим доказательствам уже десятки лет. А без доказательств слухи ничего не стоят. – Генерал пожал плечами. – В их словах есть логика. Отсутствие новых улик за двадцать лет заставляет задуматься, что это была случайная встреча. Все, что не попало в архивные документы, с тем же успехом могло вообще не происходить.

– Может, мы сумеем сохранить дополнительное финансирование от Агентства? Когда мы одалживаем кому-то Жнецов, нам платят за предоставляемые услуги.

– Это единственная причина, по которой нас еще не закрыли, – прорычал Вудхёрст и тряхнул головой, – мы зарекомендовали себя полезными. Но если положение дел скоро не изменится, они заберут у нас Жнецов и прикроют лавочку.

– Во времена, когда это все называлось «Программой по поиску инопланетных форм жизни», с финансированием проблем не было никогда, – Эллиотт покачал головой. – Проклятая политика. Ненавижу это дерьмо.

– Мы все ненавидим. Проблема в том, что в наши дни развелось слишком много разных подкомитетов и наблюдательных групп. Запихивать проекты подобного масштаба под микроскоп и говорить, что мы занимаемся «научными исследованиями и разработками», нелегко. Не будь нам необходима отдельная база и несколько транспортных средств, все оказалось бы проще.

– Проблема в том, что Агентство тоже не упрощает нашу жизнь, – цэрэушник пожал плечами и покачал головой. – Я хочу сказать, это хорошо, что мы можем одалживать парней и помогать им, плюс к нашей репутации, но этого недостаточно. А управляют всем уже не те же люди, что раньше. Никто больше не хочет играть вместе по правилам.

Вудхёрст кивнул:

– Нынешней администрации не нравится, когда люди иг-

рают вместе по правилам. Теперь мы играем в «отвлечение и замешательство», цель игры – выбить своих противников из равновесия.

Это было еще слабо сказано, и оба мужчины знали об этом. Исполнительная власть и все ее многочисленные ответвления любили играть в игру под названием «искажение и запутывание». Если бы кто-нибудь на самом верху пронюхал о существовании проекта «Звездочёт», они бы, скорее всего, приказали немедленно закрыть программу.

Похоже, Эллиотт снова прочел мысли генерала.

– Трэгер считает, что нашел выход из положения, – произнес Папаша.

– И какой же?

– Если мы сможем выбить чуточку больше финансирования и, быть может, сделаем несколько небольших уступок, разумеется, из тех, что не повлияют на национальную безопасность, то он считает, что мы можем получить необходимую поддержку из частного сектора.

Вудхёрст остановился и уставился на собеседника.

– Что, прости?

Эллиотт поднял руку, отмахиваясь от гнева генерала.

– Я не сказал, что согласен с ним, просто говорю, что есть такое предложение, – начал оправдываться он. – Если нынешняя администрация хочет лечь в постель с большими корпорациями и остаться там, а мы можем предположить, что именно этого они и хотят, то тогда приватизация «Звез-

дочёта» может стать выходом из положения. Хотя бы частичная.

Вудхёрст нахмурился.

– Мы здесь работаем с самыми современными материалами, Папаша, и ты это знаешь, – произнес он. – Мне не очень нравится мысль о том, что военные технологии могут разойтись по миру благодаря действиям парочки торговцев оружием с правильной политической позицией.

– Никому не нравится, – Эллиотт покачал головой, – да Уилл и не об этом говорит. Он считает, что если правильно все проверить, то часть наших технологий, а также все наши открытия, могут пригодиться медицинским компаниям. – Мужчина вздохнул. – Мы сейчас говорим о новых способах латания шкуры, а не о том, как продать новую маскировочную технологию китайцам.

Вудхёрст продолжал хмуриться, но в уме генерал уже просчитывал возможности. С его точки зрения, новые медицинские технологии были приемлемой альтернативой. Нужда в починке сломанных тел существовала всегда. Однако были и другие варианты, наподобие сжатия данных. До того как ПИФЖ рассекретил часть своих находок, не было никаких CD или DVD. Он не вникал в технические детали, но ходили слухи – и только слухи – что на дальних радиочастотах были замечены и идентифицированы посланные инопланетянами сигналы.

Пока к делу не привлекли ребят из Массачусетского тех-

нологического института, никто даже не понимал, что информация была сжата, а затем они нашли способ повторить процесс. Это были гражданские, студенты, не обладающие доступом к подобным потенциально опасным данным.

Вудхёрст потряс головой. Никаких доказательств. Одни слухи. Отчасти это и было причиной, по которой его не особо вдохновляла идея приватизации любой части их работы. Если не та техника попадет не в те руки не в той стране, быть беде.

– Что-то я не уверен, Папаша.

– Опять вспомнил эту тему с CD и DVD?

– Знаю, они сказали, что самостоятельно сделали это открытие, – ответил Вудхёрст, – но мне все равно это не нравится. Что, если еще кто-то кроме нас наложит руки на двигательные установки с захваченного корабля? Что, если кто-то сможет приспособить корабль для космических путешествий?

– А что, если бы «Локхид Мартин» получил контракт на разработку военных самолетов с системой вертикального взлета и посадки, которые были бы способны покидать атмосферу и приземляться на территории Китая и России? А что, если бы ни у кого кроме нас не было доступа к двигателям? – Эллиотт пожал плечами. – Пока что это все спекуляции, но Уилл вполне мог что-то придумать. На мой взгляд, нам не стоит списывать эту возможность со счетов на тот случай, если больше ничего хорошего нам не подвернется. И давай-

те будем честны, генерал: в последнее время нам не подворачивается ничего хорошего.

Но Вудхёрст по-прежнему сомневался.

– Ничто не проходит через подкомитеты быстрее возможности заработать, – настаивал Эллиотт, – ты это знаешь, я это знаю, половина Вашингтона это знает.

С этим Вудхёрст поспорить не мог.

– Я подумаю об этом, – пообещал он и взглянул на своего друга, – а ты попробуй по возможности организовать что-нибудь для нас с Трэгером прежде, чем я вернусь обратно на север.

– Сделаю, – ответил Эллиотт. – Сейчас стоит жара. Возможно, нам повезет.

Генерал знал, что имел в виду его друг. Согласно тем ограниченным данным, что были в их распоряжении, пришельцы, по всей видимости, предпочитали жаркую погоду. Он не знал, было ли это необходимостью, основанной на их физиологии, или же они просто любили теплый климат. Однако, если данные были верны, сейчас на улице стояла идеальная погодка.

– Сейчас одно из самых жарких лет в истории, и у нас, и везде, – произнес он, – но я бы не стал затаивать дыхание. Мы же имеем дело не с перелетными птицами, которые прилетают каждый раз со сменой времен года.

Эллиотт покачал головой:

– Нет, но я думаю, что нас ждет прорыв.

Генерал хохотнул и наградил друга изумленным взглядом.

– Ты отправил Господу ту служебку вместо меня?

– В точку.

Вудхёрст глянул на часы:

– Слушай, у меня сейчас небольшая передышка. Крохоборы решили, что им нужны длинные выходные, так что они отправили меня домой, чтобы я вернулся обратно со статистикой и продолжил нашу вечеринку. Так что нам лучше приступить к делу. И, возможно, на этот раз тебе лучше отправиться в Вашингтон вместе со мной.

Эллиотт нахмурился.

– Пожалуй, сейчас не самый подходящий момент, генерал. Жнецы только что вернулись из Центральной Америки, так что время для разбора полетов. – На его лице промелькнула улыбка, которую мужчина тут же подавил. – Может, поехать с вами стоит Трэгеру?

Генерал кивнул. Не самая лучшая опция, но можно попробовать. Трэгер был хорошим бюрократом – способным, проницательным. И все же Вудхёрст никогда его особо не любил. Уилл Трэгер был слишком скользким.

Однако, это была отличная возможность обсудить идею помощи со стороны.

– Он хорошо умеет уговаривать людей, – признал Вудхёрст, – и я лишь хочу убедиться, что парень понимает, что поставлено на карту. Папаша, ты должен будешь четко ему это разъяснить.

– Считай, уже сделано, – Эллиотт отвернулся, и Вудхёрст подавил желание кивнуть. Разумеется, он знал, в чем проблема. Папаша держал себя под контролем. Он знал свои ограничения, и все же в Вашингтоне было несколько человек, которые с облегчением восприняли его командировку из Агентства, потому что у него была репутация.

Все очень просто: человек столкнулся с пришельцем и пережил это столкновение, но потерял в процессе кучу народа, и этот опыт оставил шрамы на его душе. Была парочка других уцелевших, с точно такими же последствиями от встречи с инопланетянином. Разница была в том, что их не было поблизости.

Сам Вудхёрст никогда не встречал пришельцев. Генерал надеялся, что однажды этот день настанет, но хотел бы, чтобы он настал при нужных обстоятельствах. У Эллиотта такой возможности не было. Описанное им существо было более двух метров в высоту и физически могло разорвать взрослого человека на части. Оно убило десяток человек посреди зоны военных действий, и сделало это настолько впечатляюще, что все свидетели резни уже никогда не станут прежними.

Хороших людей преследовали воспоминания о пережитом кошмаре, и все же надзорный комитет смотрел на доказательства и не видел ничего кроме цифр. Вот с какой проблемой столкнулся Вудхёрст. От одной мысли об этом ему хотелось закинуться парой сотен антацидов или дотянуться до хорошего пистолета. Вместо этого он сконцентрировался

на своем друге.

– Ты выглядишь обеспокоенным, – произнес он, – что стряслось, Папаша?

– Все то же самое, ничего нового, – мужчина повернулся и пожал плечами. Он посмотрел Вудхёрсту прямо в глаза. – Просто погода, ты же знаешь. Влияет на мои нервы. Делает меня дерганным.

Генерал кивнул, и мужчины двинулись дальше. Глубокая изнуряющая жара и высокая влажность, похоже, являлись неотъемлемой частью нужного сценария, а для Папаши они всегда будут служить напоминанием.

Все свидетельства, которые они смогли найти, все данные, уходящие назад во времени, говорили о том, что какие-то существа охотились на людей именно в такую погоду. Большинство свидетельств были старыми слухами или семейными байками, передающимися из поколения в поколение, но Эллиотт и другие хорошо изучили предмет. Было несколько более свежих и, если честно, более подробных докладов. Свидетельства военных, ЦРУ и копов с улиц Лос-Анджелеса.

Доказательства, пусть и не в физической форме.

Разумеется, в этом и заключалась проблема. Им было нужно что-то основательное, что-то, что могло быть использовано военными в военных целях. Без подобных доказательств бюрократы теряли стимул и дальше финансировать дорогостоящий проект. Всего одно доказательство,

одно прочное, осязаемое, узнаваемое доказательство, было способно все изменить. Однако какие бы существа не являлись на Землю в жаркие сезоны и не охотились на людей словно на дичь в заповеднике, они были крайне осторожны и не оставляли после себя следов. Они были настолько осторожны, что однажды уничтожили территорию размером с половину Манхэттена просто для того, чтобы прибраться за собой.

По крайней мере, так было сказано в рапортах.

«Как часто эти ублюдки прилетают сюда?» – поинтересовался Вудхёрст.

– Ну, будем надеяться, что на этот раз твои нервы заработают нам отметку на радаре, – произнес он, криво ухмыльнувшись. – Все будет лучше, чем ничего, если ты понимаешь, о чем я.

– Я понимаю, – кивнул Эллиотт, – и продолжаю надеяться.

– У нас есть команда. Не хватает только цели. – Вудхёрст остановился перед дверью своего офиса. – Не то, чтобы я не ценил все, что ты делаешь, но было бы неплохо, если бы мы перестали одалживать наших мальчиков твоим боссам. Рано или поздно кому-то может повезти, и он выведет одного из наших из строя. И мне не очень нравится эта идея.

– Ты придешь на разбор полетов?

– Приду, только сперва разберусь с бумажками. Нет пока нечестивым. – Вудхёрст улыбнулся, и на этот раз это была теплая, искренняя улыбка. Эллиотт ему нравился. Цэр-

эушник был ценным активом и хорошим компаньоном. И он зверски играл в шахматы.

– Я подготовлю их для тебя, генерал.

– Премного благодарен.

3

Солнце взошло. Облака немного рассеивали свет, но ничего не могли поделать с жарой. Вокруг него сновало с десятков различных насекомых, но они не представляли проблем. В рамках своей стандартной подготовки он сделал себе прививки против любых инфекций, которые могла переносить местная мошकारа.

Деревья вокруг были покрыты мхом, и их кора выше линии воды напилалась влагой. Это была одна из тех областей, где океанские приливы значительно меняли уровень воды. Ну, или здесь только что закончился сезон дождей.

Это не имело значения.

День созрел и был полон обещаний, а он прибыл сюда ради охоты.

Он проделал очень долгий путь, чтобы попасть сюда, все запланировал и подготовился. Учел непредвиденные обстоятельства и запасные варианты. У него было оружие. Были карты. Инструменты для разделки добычи и подготовки ее к показу в качестве трофея.

У него было время. У него было все, что нужно для успеш-

ной охоты.

Разумеется, другие считали так и раньше, а затем возвращались разочарованными или не возвращались вовсе. Но в этом и заключалась прелесть хорошей охоты. Самая лучшая, самая значимая охота — это та, в которой присутствовал элемент опасности для охотника. Охотиться на добычу, которая не может дать сдачи — это все равно, что охотиться на растение, которое не сможет убежать или защитить себя.

Если бы он хотел стать фермером, он бы выращивал урожай.

А он жаждал крови. Он жаждал острых ощущений от охоты на добычу, которая может обнажить клыки и ударить достаточно сильно, чтобы убить. На этой планете жили существа, которые сделали кровопролитие своим ремеслом и преуспели в нем. Разве можно не восхищаться подобной красотой?

Он нажал несколько кнопок на запястном браслете, и его корабль скрылся из виду.

Его так и подмывало снять боевую маску и вдохнуть местный воздух. По рассказам отца, местная атмосфера была разреженной и пропитанной загрязняющими веществами, поскольку аборигены еще не образумились настолько, чтобы начать заботиться о собственном мире. Были времена, когда на всей планете было гораздо холоднее. Тогда выдерживать здешний климат и находить себе подходящую добычу было куда сложнее. Но теперь дела обстояли так, будто местные

обитатели сами хотели, чтобы на них охотились и убивали. Иногда добыча делала все, чтобы ее было легко найти. Издалека донесся пронзительный, громкий птичий крик. Ближе примитивный мотор толкал лодку по поверхности местной водной артерии. Под своей боевой маской он оскалил зубы в хищной улыбке. Охота началась.

* * *

Жара убивала. Нил Фостер вырос во Флориде и всю свою жизнь провел вблизи Окефеноки, но он не мог вспомнить, чтобы прежде жара и липкая влажность смешались бы в настолько идеальный коктейль, который покрыл каждого человека толстым слоем пота.

Сидящий рядом с ним Купер Монро почесывал шею. Он чесался настолько яростно, что лодка немного покачивалась.

– Если меня укусит хотя бы еще один сраный москит, – прорычал он достаточно громко, чтобы его можно было слышать сквозь шум мотора, – то клянусь, я выжгу все окрестности на хрен!

– Я же сказал тебе воспользоваться репеллентом. Ты меня послушался? Нет. – Фостер знал правду: Купа хлебом было не корми, дай лишь повод поныть и повозмущаться.

– Я воспользовался этой хренью, – запротестовал Мон-

ро, – а затем ее всю смыло потом. Долбаный грабеж.

Фостер хмыкнул.

– Может, тебе стоит вернуться обратно в Северную Каролину? – предложил он. – Там ты, конечно, не поймашь ни одного аллигатора, но и потеть так не будешь.

– Там так же жарко, как и здесь.

– И это самое настоящее вранье. – Если в голосе Фостера и проскальзывали определенные нотки гордости в те моменты, когда он говорил о том, насколько мучительно жить во Флориде в такой жаре, то это только потому, что за прошедшие годы он слишком часто с ней сталкивался. Окефеноки в летний период сулило особый сорт мучений, и москиты были частью этих мук. Мерзких ублюдков стоило бы назвать птицей-символом штата, особенно в этих краях. Мамаша Нила любила шутить о том, как эти проклятые твари воруют младенцев по ночам, и он пришел к выводу, что старушка была недалеко от истины.

– Может, это и не совсем так, – согласился Куп, – но близко к правде.

Фостер уставился на воду.

– Мы с тем же успехом можем вернуться домой. Даже аллигаторы предпочитают держаться подальше от такой жары.

– Что? И впустую потратить три часа? У нас все еще есть пиво, – с улыбкой произнес Куп. Фостеру нравилось это качество товарища: у парня были верно расставлены приоритеты и все в порядке с юмором. А ведь даже плохие шутки

звучат смешно, если в них присутствует пиво.

Лодка шла под сенью кипарисовых деревьев, тени которых плясали по воде. Куп резко повернул голову и нахмурился. В его взгляде читались не гнев или разочарование, а сосредоточенность. У него было лицо, которое мама Фостера в шутку называла «рожей психопата на отдыхе». Стоило Купу начать думать, как на его лице появлялось такое выражение, словно он помышляет кого-нибудь убить.

– В чем дело?

– Притормози-ка. Мне кажется, я что-то увидел.

Они находились в самой гуще кипарисов. Видимость затрудняли гроздья испанского мха, свисающие с веток по северную сторону деревьев. Ветви казались тяжелыми, а пятна водорослей на воде были видны невооруженным глазом. Там ничего не было – Фостер бы заметил любое движение.

Он покосился на напарника и проследил за направлением его взгляда. Там ничего не было.

– Думаешь, это коп? – шепотом спросил он. Технически, аллигаторы числились в списке вымирающих видов. По правде говоря, закон запрещал охотиться на этих крупных рептилий, а нарушителей ждали суровые штрафы и тюремные сроки.

– Вряд ли. Разве что копы научились скакать по веткам. Фостер улыбнулся.

– Большинство копов в округе Кояхунга не смогли бы забраться на дерево, даже если бы от этого зависела их жизнь.

И не так уж сильно он покрывил душой. Может, половина копов и смогла бы забраться на дерево, но вряд ли бы хоть кто-то был рад подобному занятию. Вторая половина имела тенденцию быть немного не в форме. Еще не склонность к ожирению, но они явно работали в этом направлении. Южная кухня творит такие вещи с мужчинами.

– Говорю тебе, я что-то видел, – ответил Куп. – Может, эти ублюдки используют дроны, чтобы заснять нас на пленку.

Черт, а это был разумный вариант. Фотографическое доказательство и все дела. Фостер жестом попросил Купа передать ему сумку с дробовиком. Он, конечно, не был олимпийским чемпионом в стрельбе по тарелочкам, если такие гении вообще существовали, но при необходимости с дробом справиться мог. И справится, если они его засекут.

– Не нравится мне эта идея, Куп. Ни на йоту. – Достать и зарядить дробовик – дело пары секунд. Он справился бы с этим даже с закрытыми глазами.

– Вряд ли войдет в мой топ-десять в ближайшее время.

– Полагаю, нам стоит вернуться домой. Сегодня неподходящий день для аллигаторов.

– Совсем неподходящий.

Фостер отчетливо расслышал, как эти слова эхом донеслись откуда-то с севера, метров с четырех. Звук шел сверху, и было с ним что-то не так. Не раздумывая, Фостер прицелился из дробовика, но курок спускать не стал – он не был совсем уж идиотом, просто стал небольшим параноиком, ко-

гда речь заходила о дронах.

Три красные точки ударили ему в левый глаз, и Фостер зажмурился от неожиданного резкого света.

Что за чертовщина?

Куп закричал:

– Не двигайся! Они держат тебя на лазерном прицеле.

– Через гребаный дрон? – ответил он, в его голос стала просачиваться паника. – Что, они теперь вооружают свои дроны?

И все же он прислушался. Лучше не рисковать.

Затем свет пропал, а секундой позже три красные точки нарисовались у Купа на виске.

– Иисусе, Купер. Что это за чертовщина?

– Совсем неподходящий день, – снова донесся сверху тот же голос, и Фостер посмотрел вверх.

Над ними что-то двигалось. Ветки кипарисового дерева ощутимо поскрипывали. Что бы это ни было, он не мог этого увидеть, должно быть, пользуется маскировкой. Было какое-то движение, но глаза не успевали ни на чем сфокусироваться. Он видел ветки, зеленую крону и покрытое облаками голубое небо, но картинка была нечеткой, словно размытой.

Фостер слегка настроил прицел.

– Кто бы ты ни был, я не собираюсь с тобой играть, – громко воскликнул он.

– Не играю, – теперь голос раздался ближе, практически над ними, и Фостер лихорадочно сместил прицел. Дерево по-

скрипывало, и листья над их головами шелестели. Там, на ближайшей ветке массивного дерева, а может, чуть повыше, что-то было. Может, дрон с громкоговорителем? Это объяснило бы странное звучание голоса.

Довольно. Не хватало еще, чтобы его копы метками зашивали.

Отдача от двенадцатимиллиметрового дробовика прозвучала словно гром. Это был всего лишь предупредительный выстрел. Несколько испуганных выстрелом птиц взметнулось в воздух, и в тот же миг дробовик просто вырвали из руки Фостера, заставив мужчину взвыть от боли. Он не был слабаком и не жаловался на крепость хватки, но оружие буквально взмыло из его рук, а все еще покоящийся на спусковом крючке указательный палец треснул пополам.

А затем две металлические полосы распороли грудь Фостера, и во все стороны брызнула кровь. Поначалу это казалось нереальным, и он ничего не почувствовал, но затем браконьера накрыло болью. Конечности отказали, и он рухнул на спину. Угасающим зрением Фостер еще успел разглядеть своего друга.

С шеей Купа случилось что-то жуткое.

4

Генерал говорил, они слушали. Обычная рутина. Больше подготовки, больше возможностей для тайных операций,

чтобы быть в форме, когда настанет Час Икс. Старик нервничал. Они все это видели, но никто ничего не сказал.

– Вот такие вот дела, джентльмены, – произнес Вудхёрст. – Я возвращаюсь обратно в Вашингтон поработать над деталями нашего финансирования. Вы же тем временем продолжите тренироваться с мистером Эллиоттом.

Генерал не стал как-то обозначать, что закончил свое выступление. Все в отряде достаточно хорошо его знали, так что Жнецы дружно поднялись со своих мест.

– Да, сэр, – хором произнесли они. Мгновением позже Вудхёрста уже и след остыл, а Жнецы снова расселись по местам и приготовились слушать Эллиотта. Выражение его лица было еще более говорящим.

– Генерал был настолько мил, что не стал рассказывать, насколько все плохо. Существует немалая вероятность, что наш бюджет скоро сократят, а значит, есть все шансы, что проект «Звездочёт» вообще прикроют. – Папаша прервался, давая бойцам шанс переварить услышанное.

Трэггер не сказал ни слова. Никто не сказал. Они и не должны были, и все это знали.

– У меня уже есть пара-тройка докладов касательно вашей последней поездки за границу. Все, что я могу сказать: отличная работа. Это гнездо змей больше никого не укусит. – Теперь выражение лица Эллиотта изменилось, мужчина выглядел довольным. Казалось, он подбирает слова, пытаясь что-то сказать. – Поэтому слушайте меня предельно внима-

тельно. Я знаю, на что вы все подписались, и сам хочу того же больше, чем вы можете представить. Я хочу, чтобы мы нашли и поймали одного из этих пришельцев. Я не шучу. Я видел одного, я сражался с ним и видел, как ублюдок отправил на тот свет немало хороших парней. – Его взгляд посуровел. – Нам нужно заполучить одного из них просто для того, чтобы уравнивать шансы. Забудьте все остальное, парни, нам нужна победа, и под нами я имею в виду совсем не Агентство. Вы проделали чертовски хорошую работу и выставили меня в выгодном свете, – Эллиотт улыбнулся, – но нам нужно реальное дело, и ни вы, ни я ничего не можем с этим поделать. У нас нет никаких тайных способов связаться с пришельцами, мы не можем достать свой сраный смартфон и позвонить им. Могли бы – все было бы куда проще. Я лишь... – он запнулся на мгновение и оглядел комнату, встретившись взглядом с каждым членом команды. – Просто старайтесь быть наготове, – произнес, наконец Папаша, – вот и все. У меня есть предчувствие. Сейчас чертовски жарко, и я думаю, что скорее раньше, чем позже мы выйдем на охоту на одного из этих ублюдков. По крайней мере, я чертовски на это надеюсь. – Эллиотт пожал плечами и покачал головой. – А теперь идите, отдохните, пока есть такая возможность.

Томлин кивнул и поднялся. Эту речь в разных вариациях они слышали уже десятки раз. «Будьте наготове, поторопитесь и подождите». В переводе с военного на обычный: «когда-нибудь, может скоро, может, нет». По выражениям лиц

остальных бойцов Томлин видел, что они все чувствуют то же самое. За исключением Стрэнда, который был готов напиться и покутить. Далеко он не уйдет, но шансы на то, что через какое-то время парень будет пачками убивать врагов в видеосимуляторе, опустошая ящик пива, выросли многократно.

Им нужно было сбросить пар, и Томлин решил отпустить ситуацию. Он мог бы напомнить бойцам, что теоретически они всегда должны быть наготове, но ничего хорошего из этого не вышло бы. Он не мог давить слишком сильно, когда настало время для отдыха.

Пулвер, Берк и Кинг направились в столовую, и Томлин подумал, что это чертовски хорошая идея. Еда и кофе входили в число его любимых способов расслабиться, и он мог заняться обоими вещами в процессе написания рапортов.

Хилл займется тем же, что и всегда – душ, а затем в спортзал. Он не сможет стать номером один, если будет отлынивать от тренировок. Орологас уже устремился следом за Эллиоттом в надежде, что, может быть, старик каким-то образом обнаружил еще один звуковой файл, с которым можно повозиться.

Спец по связи остановился, когда появился Трэгер. Красавчик в сером костюме в полоску и хрустящей белой рубашке подал знак рукой, и Орологас нажал на тормоза. У Трэгера была нужная одежда, правильное выражение лица и все нужные жесты, чтобы казаться гладким посредником. Он

всегда улыбался и никогда не упускал из виду, кто ему что говорил. Он всегда был учтивым, вежливым, эффективным и дружелюбным.

Томлин не доверял ему ни на грамм.

Трэгер был слишком гладким, слишком дружелюбным и лишь самую малость вспотел в своем костюме за шестьсот долларов. Обычно он носил военную униформу, но только не во время деловых поездок. Улыбкой поблагодарив Орологаса, он уверенной походкой направился к Эллиотту.

– Я просто хочу убедиться, что все понял правильно, Папаша, – произнес он. – Я лечу в Вашингтон с генералом?

Эллиотт кивнул:

– Я не могу быть в двух местах одновременно, а когда я в последний раз проверял, именно ты обладал возможностью умаслить разъяренную толпу, – старик улыбнулся собственной шутке – может, подкомитет и не будет разъярен, но они определенно толпа.

– Я просто хотел убедиться, – ответил Трэгер. – Генерал сказал мне, но ты же знаешь, что я подчиняюсь тебе.

Эллиотт снисходительно улыбнулся.

– Это ты. Нам нужен толчок. Уильям, они пытаются порезать нас на части. Я не могу отправиться туда и справиться с толпой политиков так же хорошо, как ты. Мы должны всегда знать свои сильные стороны, и мы определенно должны знать наши слабости, так что если ты сделаешь это для меня, я буду тебе невообразимо благодарен.

Трэгер улыбнулся:

– Можно подумать, мне был нужен предлог, чтобы свалить из этой жары. – Он хохотнул. – Я улечу на следующем самолете.

– Я это очень ценю, Уильям, – Эллиотт хлопнул помощника по плечу и направился в сторону своего офиса, – даже не сомневайся в этом.

Добравшись до двери, он повернулся и произнес:

– Только не забывай: то место построено на болотах.

И с этими словами Эллиотт испарился в коридоре. Добравшись до своего офиса, он будет сидеть там и терпеливо ждать рапорта Томлина.

По этой причине Томлин всегда старался не откладывать дело в долгий ящик.

Когда Эллиотт в одиночестве сидел в своем офисе, всегда существовала вероятность, что он сделает что-нибудь глупое. Такое случалось только дважды, но Томлин знал, что Папаша любил время от времени принять на грудь для успокоения нервов. Ничего такого, что повлияло бы на его способность здраво мыслить, но смысл был не в этом.

В определенных кругах Эллиотта имел репутацию психа. Он был чертовски хорошим полевым инструктором и крайне серьезно относился к своей работе. Но как говорящие головы в Вашингтоне скептически относились ко всей этой затее с пришельцами, так и куча людей вокруг проекта «Звездочёт» крайне негативно относилась к обстоятельству, что

Эллиотт выжил после того, как потерял весь свой отряд в горячей точке.

Никто ничего не говорил вслух, но в этом и не было нужды. Любой, кто прослужил в армии достаточно долгое время, приобретал навык чтения мыслей по лицам. Косые взгляды и гримасы, которые корчили люди, когда Папаша проходил мимо них, говорили Томлину все, что ему нужно было знать.

Несмотря на свое желание занять место Томлина, Хилл несколько раз выражал свою обеспокоенность этими взглядами. Насколько было известно Томлину, Хилл еще ни разу не уловил запах алкоголя в дыхании Папаша. Интересно, как бы он отреагировал, если бы узнал об этом.

Алкоголизм – это плохо. Согласно куче народа алкоголизм считался болезнью, но в армии не было места для людей настолько слабых, что не могли справиться с собственными низменными порывами. По крайней мере, не в том случае, когда эти люди занимали руководящие должности. В глазах большинства это было проявлением слабости, и Эллиотт страдал от своей слабости.

Томлин намеревался проследить за тем, чтобы это не сказывалось на Папаше слишком сильно, по крайней мере до тех пор, пока будущее «Звездочёта» не устаканится.

Эта ситуация требовала контроля. Поэтому Томлин поспешил в пищеблок с айпадом под мышкой и приступил к еде и написанию отчетов.

Эллиотту не нужно было писать никаких отчетов. Он позаботился об этом еще до того, как отправил Жнецов на дело. План был прост, и когда все было сказано и сделано, Жнецы справились со своей работой.

Он перешлет рапорты Томлина и Хилла, при необходимости добавит свои комментарии, но, скорее всего, не будет даже утруждаться. Мальчики знали свое дело. Если он и принял участие в преподавании им важности своей работы, то тем лучше.

Его руки тряслись. Он ненавидел это сильнее, чем мог выразить словами. Это случалось не каждый раз, когда столбик термометра забирался выше отметки в сорок градусов по Цельсию, но достаточно часто. Роджера Эллиотта преследовало собственное прошлое. Он знал это, и стоящие над ним люди тоже знали это, но были плюсы, компенсировавшие риски его положения.

С одной стороны, из всех людей, кто столкнулся с инопланетным охотником и пережил эту встречу, он был единственным, кого они смогли склонить к сотрудничеству. Одно это делало его незаменимым – пока что.

Эллиотт сел на кровати и, закулив, задумался об этом. Курение было чертовски дурацкой привычкой, и он пытался завязать с нею десятки раз, но всякий раз, как руки начина-

ли так бешено трястись, с этим помогали справиться или табак, или выпивка. От алкогольного демона было куда сложнее вырваться, поэтому сигареты снова выиграли.

Вдохнув дым, Эллиотт захрипел, но сдержался и позволил никотину успокоить расшатавшиеся нервы. Голова закружилась, он захотел закрыть глаза и уснуть, но это был не вариант. Вместо этого Папаша откинулся на подушку и вспомнил, почему он здесь.

Ханой многое прояснил.

Сайгон был волнующим и пугающим в равной степени. Люди умирали там. Люди менялись там.

Роджер Эллиотт изменился.

* * *

Как долго они уже были в джунглях? Он не мог сказать. Он знал лишь, что вьетконговцы подбираются все ближе, и он вместе с кучкой других ребят должен был проследить за тем, чтобы их друзья на юге остановили этих ублюдков.

Для достижения этой цели они и обучали избранную горстку вьетнамцев изящному искусству терроризма, просвещали их в вопросах пропаганды и психических методик. Это была грязная работа, но кто-то должен был ее делать.

Все продвигалось хорошо до тех пор, пока они не нашли первое освежающее тело, свисающее с дерева. Они потратили кучу времени просто пытаясь определить, была ли

жертва американцем или местным. В любом случае, местные свинтили так быстро, что практически оставили после себя в воздухе остаточное изображение.

Не было никаких предупреждений. Люди, с которыми они работали, попросту исчезли. Если бы они не забрали с собой свои припасы, Эллиотт бы подумал, что вьетконговцы изобрели испепеляющий луч, прямо как в старых фильмах, которые он смотрел когда-то в автокинотеатрах.

Картер посмотрел в его сторону и покачал головой. Теренс Картер заведовал радиосвязью. Он знал все действующие коды и мог без запинки расшифровать их. Эллиотт приказал своему связисту отправить сообщение генералам в Сайгоне. Естественно, сообщение было закодировано. На самом деле, все было достаточно просто. Когда местные куда-то сваливали, обычно это было достаточной причиной, чтобы самим сняться с места и передислоцироваться.

Но не в этот раз. Начальство приказало им оставаться на месте, не обращая внимания на освежеванную жертву. В любом случае, это едва ли было самой худшей ситуацией, с которой они сталкивались.

* * *

На вторую ночь исчезло двое парней из отряда. Их осталось всего двенадцать, так что реакция была мгновенной. Роджер остался на месте и координировал усилия с Карте-

ром. Костанца повел половину ребят в джунгли осмотреться по сторонам и найти какие-нибудь следы. Мейпл взял остальных и отправился на поиски тел.

Костанца ничего не нашел. Он регулярно докладывал обстановку, но джунгли хранили свои секреты. Ни вьетконговцев, ни местных было не видать. Они наткнулись на целую опустевшую деревню: около десятка бесхозных домишек. В деревне не было ничего кроме козы, которую явно оставили в качестве какого-то подношения.

Мейплу повезло больше, если это, конечно, можно было назвать везением. Его отряд наткнулся на целую коллекцию выпотрошенных тел. Когда он вышел на связь, его голос дрожал, солдат был сильно взбудоражен. Как правило, Мейпл вообще не нервничал, но сейчас его голос дрожал, и ему несколько раз приходилось напоминать пользоваться спецкодом.

– Мы нашли десять человек, – доложил он. – Наверное. Трудно сказать. Они все мертвы, и их смерть не была легкой. Мне кажется, по большей части они все были живы, когда их рвали на части.

Картер покачал головой:

– То есть «рвали на части»?

– Двоих освежевали. Как минимум у трех тел отсутствуют головы. Здесь есть тела, у которых вырван позвоночник. Ты понимаешь меня? Что-то вырвало у них хребет. Сломало ребра и вырвало позвонки из тела. Я не знаю, чем эти ребя-

та были тут заняты, но они настоящие звери. Я никогда не видел подобной резни.

* * *

Лежа на своей постели, Эллиотт вспомнил фотографии, которые они сделали в тот день – фотографии, которые Мейпл снял и проявил для него.

Воспоминания вызвали новый приступ трясучки.

* * *

Быстро упаковав сумки, Трэгер отнес их к транспорту. Генерал уже ждал его, храня на лице то же стоическое выражение, что и при большинстве их встреч.

Вудхёрст был не крупным мужчиной, но вел себя так, словно в нем три метра роста. Он в лучшем случае выглядел угрожающе. Трэгер знал, что не шибко нравится генералу, и его это вполне устраивало. Не нравится генералу и не пользоваться его уважением были совершенно разными понятиями. Уважение значило гораздо больше, и Трэгер знал, что никогда бы не получил приглашение присоединиться к Вудхёрсту, если бы генерал его не уважал. Все было так просто.

– У нас есть какой-нибудь план, генерал?

– Если не брать в расчет то, что мы излагаем факты и де-

лаем все, что в наших силах, для смягчения острых углов и спасения бюджета, то нет, не особо, – генерал прервался и осторожно, оценивающе оглядел Трэгера. – Как только мы поднимемся в воздух, я хочу выслушать твои мысли касательно помощи со стороны.

Трэгер кивнул и улыбнулся. Все обстояло именно так, как он и ожидал. Его пригласили в поездку не просто так, а из-за его нужных связей.

Он не особо хвастался достигнутым, но именно благодаря Трэгеру Жнецы участвовали в тайных операциях. Это была его идея, и именно его связи сделали ее возможным, разумеется, с благословения генерала. Он не хвастался этим достижением, поскольку в этом не было никакой нужды. Все, чье мнение имело хоть какое-то значение, и так об этом знали.

Трэгер сделал то, что должен был, для того, чтобы все работало как надо. Так его воспитала мать. Так его сформировал мир. Выполни работу и убедись, что все углы прикрыты. А по возможности проследи, чтобы ты оседлал получившуюся в результате волну, а не тащился по течению.

Хотя они еще даже не тронулись, генерал смотрел в окно. Трэгер знал правила. Дай ему шанс пообщаться, генерал с радостью бы нашел кого-то еще. Трэгера это вполне устраивало. Ему еще работу предстояло выполнить.

– Не могу вспомнить, кто входит в комитет, – произнес Трэгер, – от кого стоит ждать проблем. Напомните мне?

– Самая крупная шишка – это Раферти, – вздохнул Вуд-

хёрст. – Он хочет выложить все свои карты на стол в вопросах сокращения издержек и считает нас ношей, от которой необходимо избавиться.

Трэгер хохотнул.

– Да мы настолько мелки, что даже не отображаемся на радаре.

– Ты это знаешь, я это знаю, но Раферти смотрит на вещи иначе, – оживившись, Вудхёрст в самом деле посмотрел на него. – Вот с чем нам предстоит столкнуться.

– Мне кажется, я знаю, кто может помочь нам с Раферти, – произнес Трэгер, стараясь не выглядеть слишком уж самоуверенным. Он действительно знал конкретного человека, который мог помочь справиться с сенатором. У того были свои слабости, его несколько раз заставляли с женщинами, не являвшимися его женой, в ситуациях, которые в лучшем случае можно было назвать сомнительными.

– Правда? – генерал заинтересованно взглянул на него.

– Ну, обычно это не афишируется, но иногда мы в ЦРУ обнаруживаем вещи, которые держим при себе на случай вот таких экстренных ситуаций, – Трэгер улыбнулся собеседнику. – Я могу попробовать добиться встречи с этим человеком.

Генерал кивнул, улыбнулся и откинулся в кресле. Это была слабая улыбка, и она не продержалась долго. Но это был шаг в нужном направлении, маленькая победа. А большего сейчас и не требовалось.

У генерала были свои нужды. Трэгер собирался проследить за тем, чтобы эти нужды были удовлетворены. В процессе он постарается выжать как можно больше пользы для себя, поскольку именно так был устроен этот мир. Человек делал то, что должно, до тех пор, пока мог смотреть на себя в зеркало на следующий день.

Трэгеру всегда нравилось то, что он видел в зеркале.

5

Девон Хилл выбрался из душа и быстро вытерся насухо. Его тело тряслось от приложенных в зале усилий, но разум был чист.

Никто не произносил этого вслух, но проект «Звездочёт» висел на волоске. Да, они говорили о бюджетах, но они всегда говорили о бюджетах. Сейчас все было иначе. Слова были теми же, но язык тела беззвучно кричал о панике.

Жнецы? С ними все было в порядке. Томлин волновался – беспокоился о шансе сразиться с инопланетянами. Хилл тоже хотел этого, но не нуждался в драке. Не так, как Томлин.

Девон вздохнул. «Он лидер не просто так». Хилл быстро натянул черную униформу, по сути, неофициальную форму Жнецов. Затем он сел за стол. Томлин уже написал свои рапорты. Хилл просмотрел отчеты командира, сделал свои пометки и внес их в систему. Хочешь познать своего врага? Изучи его.

Томлин не был врагом, не по-настоящему, но он был конкурентом. Хилл слишком уважал Томлина, чтобы считать его кем-то меньшим чем соратником, а большую часть времени и вовсе называл другом. Он был готов без замедления выполнить любой приказ Томлина, потому что этот парень знал свою работу.

Дело не в том, что Томлин недостаточно хорош. Просто Хилл должен быть лучше. Никто, по ходу, не понимал этого, равно как и то, что вопрос не в том, кто белый, а кто черный, хотя, возможно, Хилл отчасти и приложил к этому руку. Нет, все дело было в том, что мама в детстве учила его быть лучшим во всем.

«Хочешь получить работу? – говорила она. – Позаботься о том, чтобы никто не мог выполнить ее лучше. Собираешься пробежать стометровку? Беги быстрее всех. Работай тщательнее. Позаботься о том, чтобы все узнали имя победителя еще до того, как ты пересек финишную черту». – «Но почему?» – «Потому что никто не помнит того, кто пришел вторым».

Только и всего.

Хилл покачал головой. Второе место сойдет, если ты не способен на большее, но его амбиции этим не ограничивались. Он не собирался ничего саботировать, хотя и знал несколько парней, которые могли на такое пойти. Типа Трэгера, призрака, который всюду увивался за Папашей и играл роль его ближайшего помощника. Трэгер был как раз таким

человеком, который любил оценивать окружающих и прикидывать, кого из них он бы смог одолеть с помощью пары слов и улыбки.

Трэгеру нельзя доверять, только и всего. У него были правильные намерения – парень хотел побеждать, – но совершенно отсутствовало чувство чести.

Нет. Хилл намеревался показать всё, на что он способен на месте заместителя Томлина. Он просто собирался быть наготове. Если что-нибудь случится с Томлином, его нужно будет заменить. Так обстояли дела, и в армии, и в настоящем мире.

Хилл изучил каждую строчку в докладах Томлина с той же тщательностью, с которой он обычно изучал планы боя. Дьявол скрывался в деталях. Осталось только понять, какие детали надежно скрывали рогатого из виду.

Со временем он это выяснит.

А пока что у него и так хлопот хватало. Орологас возился со своей идеей фикс, пытаясь расшифровать голос инопланетянина, если это действительно был он. Стрэнд пытался придумать, как стать еще более метким стрелком. В колледже он завоевал кучу наград за меткость и скорость рефлексов, и сейчас он все больше беспокоился о том, не урежут ли его в правах как оружейного энтузиаста. Шансы на это равнялись нулю, но Стрэнд все равно считал, что его права под угрозой всякий раз, как очередной чокнутый стрелок устраивал пальбу где-нибудь в Штатах. То есть чуть ли не раз в

неделю.

С Пулвером и Хайдом было просто: оба любили свое дело. Если в этом мире их и интересовало что-то еще помимо работы, они тщательно скрывали это от любого постороннего наблюдателя, а Хилл взял себе привычку наблюдать за бойцами. Почему? Потому что командир должен командовать, а его заместитель обязан следить за тем, чтобы все шло гладко.

Кинг желал мира во всем мире. А еще он хотел найти доказательство существования жизни на других планетах. Хилл не был уверен, что конкретно случилось с Кингом в прошлом, но парень добивался знаний об инопланетянах с такой же одержимостью, с какой религиозные святоши мечтали познать Всевышнего. Казалось, Кинга не особо волновало, какими окажутся инопланетяне. Скорее парень задался целью что-то кому-то доказать, пусть даже лишь самому себе. В общем, тихий фанатик.

Для полного счастья Кингу были нужны доказательства существования жизни за пределами Земли. Она должна была существовать где-то еще, иначе зачем вся суета? Кинг называл себя атеистом, но Хилл подозревал, что парень попросту не нашел себе нужную религию.

Значит ли это, что он замешкается, когда настанет время?

Нет. Хилл так не считал. А если бы считал, то уже поднял бы этот вопрос перед Томлином, а то и перед Эллиоттом тоже. Кинг не представлял никакой угрозы для команды. Никто не представлял, даже Стрэнд, хотя вот Берк вре-

мя от времени вызывал беспокойство. У него на лицо были все признаки бомбы замедленного действия, по крайней мере, внешне. Хилл и Томлин обсуждали Берка несколько раз и пришли к выводу, что, несмотря на свой буйный нрав, парень был предан делу и выполнял свою работу безупречно. Ему просто нужно было спускать пар после того, как дело было сделано. До тех пор, пока все происходило на базе, проблем не было.

Но что, если это случится за пределами базы?

Ну, в таком случае Хилл собирался позаботиться о том, чтобы быть рядом, дабы разрулить ситуацию. Или Томлин будет рядом по тем же причинам. Обычная рутина для офицеров.

Хилл откинулся за своим маленьким столиком, обдумывая прочитанные им файлы. На первый взгляд, никаких неточностей не было. Он внимательно изучил рапорт и ничего не нашел. Это было нормально. Девон Хилл был более чем терпелив. А тем временем у него как раз могло найтись время для пары раундов с боксерской грушей, а то и с живым противником, если он кого-нибудь встретит возле ринга.

Время для тренировок было всегда. Лезвия бритвы остры не просто так.

Они остры, потому что их затачивают.

Байкерская неделя приближалась, а это значит, что настала пора проверить и настроить мотоциклы.

Это выпало на долю Энди Саймона, и он отнесся к своим обязанностям со всей серьезностью. Местное отделение «Четырех Всадников» было среди лучших из лучших, и они собирались выглядеть соответственно. Тем более, они являлись принимающей стороной. Саймон был механиком, одним из лучших в округе. Его членство в рядах «Всадников» было чисто почетным, поскольку Энди не смог бы оседлать байк, даже если бы от этого зависела его жизнь. Произошедшая несколько лет назад авария поставила крест на его поездках с товарищами.

Несмотря на множество попыток вспомнить случившееся, Энди так и не смог сказать, как именно он умудрился втиснуться между прицепом от трактора и внедорожником. Он знал лишь, что в результате аварии остался с парой неработающих ног и мотоциклом, остатки которого разбросало на полкилометра вдоль шоссе I-85.

Но он выжил, а это что-то да значило. Никто из ребят не смел потешаться над ним, а если кто и отпускал шуточку, то все были достаточно умны, чтобы зубоскалить тогда, когда их не могли услышать ни Энди, ни глава местного отделения Барли Хэнскомб. До аварии Энди с Барли были близки слов-

но братья. Теперь все было не так, как прежде, но верности Барли было не занимать, и никто не смог бы поиздеваться над Энди и остаться стоять на ногах.

Чтобы отплатить за подобную верность, Энди заведовал клубным гаражом, и делал это с гордостью. Он следил за тем, чтобы байки были в идеальном состоянии, и кучу времени проводил за нанесением на мотоциклы картинок такой сложности, что любому не-члену клуба они обошлись бы в целое состояние. Благодаря склонности к искусству и первоклассной системе аэрографии ребята всегда были рады Энди.

Да что там, они даже построили рампу, чтобы ему было проще забираться в клубный дом. Может, и не лучшее решение, учитывая, что сотворил Стьюи на своем «харлее», когда перепил, но дверь починили, а Стьюи клятвенно пообещал больше никогда так не делать, так что это было обсуждаемо.

Том-Том Уиллис сидел на краю стола Энди, приземлив грузный зад прямо на пятне жира, и курил одну из своих отвратительных сигар. Его длинные волосы были собраны в хвост, а утренняя щетина потихоньку эволюционировала в бороду. Том-Том взирал на работу над его мотором взглядом знатока. Можно подумать, он способен отличить картину от почтовой марки.

– Что скажешь? – спросил Энди, подозревая, что уже знает ответ.

Уиллис прищурился на мгновение, затем радостно вздохнул.

– Выглядит как новый, братан!

Энди кивнул и улыбнулся.

– Ну, росчерки были в плохом состоянии, но недостаточно плохом, чтобы повредить оригинальную работу. Я просто повторил их.

Это была ложь. Энди пришлось изрядно потрудиться, но он не возражал – Том-Том был из хороших парней.

– Не, – Уиллис покачал головой, – я видел повреждения. Росчерков вообще не было видно. Ты проделал потрясающую работу.

Неподалеку из клуба доносились звуки вечеринки. Энди планировал переместиться туда как можно быстрее, но дело – прежде всего.

– Сколько я тебе должен? – по-прежнему жизнерадостно спросил Уиллис и пристально взглянул на Энди.

– Сойдемся на паре сотен? – Энди предложил низкую цену. Он ненавидел торговаться.

Том-Том улыбнулся. Секунду спустя из клуба раздался первый крик. Это был резкий, первобытный крик, полный боли, и какое-то время оба мужчины смотрели сквозь яркий свет полуденного солнца с одинаковыми выражениями удивления на лице.

– Надеюсь, сегодня никто не вздумал бузить, – Уиллис покачал головой и направился к клубу. Его добродушное настроение как ветром сдуло, сейчас он больше напоминал готового напасть медведя, быстро движущегося к клубу.

Второй крик вырвался из другой глотки. Энди не смог определить, кому она принадлежала, но в любом случае он знал владельца голоса. В его сумке с инструментами хранился ствол сорок пятого калибра, поэтому механик прихватил его, положил на колени, и, крутя руками колеса своей инвалидной коляски, поспешил к зданию клуба следом за своим другом.

Том-Том вошел внутрь и захлопнул дверь прежде, чем Энди успел до нее добраться. Возможно, это было и к лучшему. Так механик не видел драки, хотя и слышал ее. Судя по звукам, Билли что-то кричал, хотя слова звучали слишком неразборчиво, чтобы их можно было разобрать. Билли, который любил вспоминать о своем участии в чемпионатах по смешанным единоборствам, какой бы короткой не оказалась его спортивная карьера. Билли, который хвастался своими годами тренировок.

Билли, который вылетел из окна неподалеку от двери и рухнул на землю, содрогнувшись всем телом, будто выброшенная из воды рыба. Его лицо было разорвано в клочья.

– Билл, какого черта?

– Пеки, Энни, – Билли захлебывался кровью, – пекиии...

Энди потребовалось какое-то время, чтобы осознать услышанное. Поначалу слова звучали бессмыслицей. Ему пришлось поразмыслить над ними, прежде чем фраза «Беги, Энди, беги» обрела смысл.

Прежде чем Билли смог сказать что-то еще, нечто вреза-

лось в стену клуба, и все здание содрогнулось, а из окна посыпались осколки стекла. Не дожидаясь приглашения, Энди покатился вперед и толкнул дверь. Поначалу она не поддавалась, но со второй попытки проклинаящему, как это часто бывает, свои бесполезные ноги механику удалось распахнуть дверь.

Он и представить себе не мог царящего внутри хаоса. По мере того как его глаза привыкали к полумраку, он различал все больше и больше деталей разворачивающейся внутри картины. Бильярдный стол завалился на бок, две ножки были сломаны. Один из парней – по виду, вроде бы Гарри – распростерся на столе в крайне неестественной позе. Его спина была изогнута слишком сильно для нормальной жизнедеятельности. Энди вспомнил день, когда его собственный позвоночник изогнулся схожим образом.

Гарри смотрел в пол.

Кажется, он не дышал.

Неподалеку Сара, старая подруга Барли, широко распахнутыми глазами уставилась в дальний угол помещения. Ее рот был разинут в беззвучном крике, пальцы касались застывшего в гримасе ужаса лица. Внезапно она потеряла сознание и рухнула на пол.

И это была только часть общей картины. Внутри творилось гораздо больше, но Энди не мог осознать происходящее. В трех метрах от Сары Барли парил в воздухе, его ноги болтались в нескольких десятках сантиметров от пола. Он

был крупным мужиком, одним из самых крупных, когда-либо встречавшихся Энди в жизни, и все же он парил в воздухе и хрипел. Его спина была распорота в двух местах, из рта шла кровь. Крепкие руки Барли размахивали во все стороны, словно бы он пытался убедить воздух поставить его обратно на землю. Пустота вокруг него странно исказилась, и Энди тотчас же подумал о возможной маскировке. Не самая распространенная техника, но в крайне засекреченных военных лабораториях наверняка можно встретить и не такое. Искажение пустоты было крайне мимолетным, в следующую секунду его уже не было.

Хэнскомб издал долго рвавшийся наружу вопль. Хотя, скорее уж это был вздох, поскольку, судя по всему, находящиеся в его бочкообразной груди легкие были измельчены в хлам. Но, судя по выражению лица Барли, это был именно вопль.

Затем он безжизненно, словно шмат мяса, сполз на пол.

Пушка. У Энди же есть пушка. Ему просто нужно ею воспользоваться.

Схватившись за ствол, Энди едва не уронил его, но все же сумел удержать в руках. Затем прицелился в пустоту рядом с телом Барли. Руки немного тряслись, и все же механик метил в направлении того искажения воздуха, проклиная свои нервы за то, что они выдают его страх.

Призраки не умирают от пуль. Вот что он говорил сам себе, успокаивая себя и прицеливаясь тщательнее.

Он выстрелил, и воздух зарычал.

И это был вовсе не звук стреляющего пистолета, с которым Энди был очень хорошо знаком по стрельбищам, нет. Ревело то, во что он попал. Что-то влажное и зеленое шлепнулось на землю, и воздух двинулся. Искажение воздуха менялось и танцевало и мгновением спустя растворилось в мрачном полумраке клуба.

Энди воспользовался паузой, чтобы оценить, сколько из его друзей мертво. Похоже, почти все: Дэнни (судя по всему, его спина также сломана); Лэндри (что-то проделало в нем дыру); Том-Том (лежит на полу лицом вниз, большая часть его спины влажная и красная от вытекшей крови); и даже Сюзи (она успела достать свой нож, и его лезвие было испачкано в чем-то зеленом. «Кровь призрака! Это кровь призрака!») Но что или кого бы она ни порезала, это что-то порезало ее в ответ и справилось с работой куда лучше).

Несколько отчаянных секунд Энди оглядывался в поисках призрака, но ничего не увидел. Механик попытался успокоиться, перестать лихорадочно метаться взглядом по сторонам и сконцентрироваться. Держа пистолет в одной руке, другой он крутил колеса, передвигаясь из комнаты в комнату. Он все еще искал призрака, когда призрак нашел его.

Сжимавшая пистолет рука испарилась в фонтане крови и затем появилась снова, уже на полу. Только приступ адреналина помог Энди не отключиться от боли. Механик схватился за запястье, пытаясь остановить хлынувшую кровь, уже

окрасившую его джинсы в черный цвет. Боль была ошеломляющая. К горлу подступила тошнота, Энди наклонился в сторону и рвота исторглась наружу.

Искаженный воздух снова появился, и на этот раз гораздо ближе. Фигура была в лучшем случае расплывчатой, но она возвышалась над калекой. Энди покосился наверх и увидел, что призрак пялится на него. Затем его мир превратился в темно-серый, а после и вовсе угас.

* * *

Энди пришел в себя от звука вышибаемой двери клуба. Оглядевшись по сторонам, он увидел истерзанные тела. Обезглавленные тела с исчезнувшими головами, и это оказалось далеко не худшее, что было сделано с членами клуба «Четырех Всадников». Он должен был прийти в ужас, но чувствовал лишь онемение.

Энди не двигался с места. Усилием воли, порожденным отчаянием, он пытался удержать кровь внутри тела. У него кружилась голова. Мир вокруг него вертелся, а затем окрасился в серый и обрел четкость только тогда, когда механик услышал вдали сирены.

«Призраки. Сраные призраки».

На улице послышался отдаленный раскат грома.

Дождь принес с собой резкие порывы ветра и горячие крупные капли влаги, практически полностью скрывшие обзор через визор маски, так что охотник на мгновение снял ее, пробуя разреженный местный воздух и наблюдая за аборигенами, прибывшими забрать мертвых и позаботиться о раненых.

Он занял место на возвышенности, его никто не замечал. Впрочем, яутжа не был настолько глуп. Да, там сейчас хватало мишеней, но время еще не пришло. Он пробудет здесь настолько долго, насколько это понадобится, поэтому в быстрой охоте не было никакой нужды. Так он только рисковал потерять шанс поохотиться на самую лучшую добычу.

Молнии разрывали потемневшее небо, дождь становился все сильнее, заставив представителей местного доминирующего вида искать укрытие.

Глупо. Казалось, только те, кто заботился о раненых, не обращали внимания на ливень. Он наблюдал за тем, как они увезли сломанное существо, которому действительно удалось поранить его своим примитивным оружием. Местные были достаточно развитыми, чтобы владеть огнестрельным оружием, они путешествовали на короткие расстояния внутри своей звездной системы, но по-прежнему не могли засечь его соплеменников при включенной маскировке.

Тем не менее, охота на эту добычу доставляла удовольствие – у местных был потенциал.

Мигающие огни возвестили о приближении новых машин. Он ждал, оценивая каждое прибывающее существо, отмечая цели для возможной будущей охоты. Большинство было в удручающей форме и даже не вооружены. И при этом они предлагали защиту другим. Иерархию власти различить было сложно, но ему это и не требовалось. Он прилетел сюда не для того, чтобы проводить социологическое сравнение иноземной культуры.

Он прилетел сюда ради охоты. Он прилетел, чтобы зарекомендовать себя. И все же, несмотря на то, что аборигены были крайне примитивны, он видел определенные сходства со своим собственным обществом. Он не мог не заметить их – в этом заключалась его роль. Дома он изучал постоянно меняющиеся аномалии, возникающие в представителях его собственной расы. Немало было тех, кто считали их адаптивными мутациями, вызванными тем обстоятельством, что столь многие представители его народа странствовали среди звезд. Другие теоретизировали, что генотип их расы был изменен во имя ее дальнейшего развития.

Нет. Хватит об этом. Он в отпуске. Ему пришла пора доказать свою ценность для общества в более традиционном смысле. Пришла пора поохотиться.

Ветер усилился настолько, что ему пришлось встать поустойчивее. Внизу двое существ пошатнулись – резкий по-

рыв ветра застал их врасплох. Несколько аборигенов огляделись по сторонам, и по крайней мере один из них визгливо пролаял — звук, который мог выражать изумление, но казался напрочь лишенным юмора.

Довольно. На сегодня с охотой покончено, ему еще было о чем поразмыслить. Температура была идеальной, но пока что погони и битвы заканчивались слишком просто. Охотнику стоило найти более достойную мишень. Его вождь как-то сказал, что иногда просто необходимо проявить терпение. Местные увидят, что произошло с их соратниками, и вызовут охотников, лучше готовых к схватке с настоящей угрозой.

Он оставил за собой достаточно крупный след из разрушений. Если на данной планете именно это требовалось для привлечения внимания, довольно скоро они явятся за ним. А когда они придут, он будет готов к славной охоте.

7

Когда они приземлялись в Вашингтоне, дождь укутал взлетно-посадочную полосу туманом. Вудхёрст выбрался из самолета и пересек бетонную площадку без каких-либо церемоний. Даже зонт не потрудился достать. Трэгер и не думал так спешить. Сперва нужно было надеть пальто. Конечно, за бортом далеко не шторм, но Трэгер ненавидел мокнуть, когда он был одет по-деловому.

У подобравшего их джипа была крыша. Весьма неплохо. Вудхёрст молча смотрел в окно, его лицо было крайне сосредоточенно. Трэгер достал телефон и принялся рассылать текстовые сообщения. Чтобы дела пошли так, как было нужно, ему требовалось напомнить парочке контактов, что они задолжали ему услугу, и сейчас было вполне подходящее время, чтобы запустить все в действие.

Фил Амсбург был личным помощником сенатора Лорел, члена комитета, надзиравшего за «Звездочётом». С Амсбургом можно было выпить в три часа дня в баре отеля «Мэдисон». На сенатора у Трэгера ничего не было, но он не сомневался, что Амсбург уговорит свою начальницу как минимум поразмыслить над парочкой предложений – компромата на Амсбурга у агента хватало с лихвой. Достаточно, чтобы посадить его в тюрьму. Не то чтобы Трэгер когда-либо обдумывал всерьез такую возможность: человек за решеткой и близко не так полезен, как человек в сенатских коридорах.

Еще четыре быстрых текстовых сообщения позаботились о том, чтобы у Амсбурга появились дела на ближайший день, а то и больше. Хорошо. Как только Вудхёрст посвятил его в курс дела, Трэгер мигом задумался о том, как справиться с проблемами, окружившими проект «Звездочёт».

Сенатор Раферти доставит больше всего хлопот, но прямо сейчас Трэгера все устраивало. Ему было чем занять себя, пока он продумывал все детали. План атаки стал постепенно обретать форму. Если все пройдет в точности так, как он и

планировал, генерал вскоре начнет к нему относиться как к крайне полезному человеку.

* * *

Джерри Энтвистл устался на свой компьютер и зевнул. Было уже очень поздно, и ему абсолютно нечем было заняться. Его работа сводилась к отслеживанию в новостных сводках любой информации, которая могла бы привести их к цели проекта «Звездочёт».

Программное обеспечение было невероятно хорошо спроектировано, все параметры – четко прописаны, и Энтвистл давно потерял счет количеству меток, на которые обращали внимание программы. Всего час назад он подумал, что что-то нашел, когда наткнулся на сообщение о череде жестоких смертей в Монтане, но это оказался абсолютно человеческий психопат, который вырезал у своих жертв части тела.

С тех пор – ничего. Кажущиеся бесконечными сообщения о насилии, но ничего, что выдавало бы участие инопланетян.

Затем все изменилось.

Доклад был довольно простым, и пока Джерри его читал, он быстро заметил все искомые признаки. Несколько уцелевших – три женщины и двое мужчин – подробно описали случившееся. Остальные жертвы были мертвы, и с их тел забирали трофеи: кожа, два черепа и позвоночник, вырванный с

пугающей жестокостью. Это было серьезным маркером, прямо-таки красным флагом.

Решающим доводом стала не поддающаяся идентификации светящаяся субстанция. Один из уцелевших сказал, что ее оставил подстреленный им призрак.

Бинго!

Джерри схватил телефон и набрал агента Эллиотта. Старик ответил моментально:

– Папаша слушает.

– Эй, Папаша, – произнес Энтвистл, держа телефон между ухом и плечом, – мне кажется, что мы засекли вашу первоочередную цель.

Воцарилась пауза, сопровождаемая каким-то шуршанием. Похоже, старик искал ручку с бумагой.

– Где?

– Дир-Вотер-Спрингс, Флорида.

– Когда?

– Сегодня. Там перебили целую банду байкеров. Расчленили на части, как вы и говорили.

– Это слухи или официальные данные?

– Официальные, – подтвердил Джерри, – только что пришли.

Еще одна пауза.

– Перешли все мне, Джерри.

Все еще удерживая телефон между ухом и плечом, Энтвистл принялся яростно печатать, его тело переполняло воз-

буждение. Должно быть, это то, что они ищут! Он дождался, пока данные отправились с защищенного сервера, и затем произнес:

– Должны быть у вас, сэр.

– Если это правда, с меня пиво, Джерри, – произнес Эллиотт. – Да что там, я куплю по пиву всей команде. Огромное вам спасибо!

Старик повесил трубку, и Энтвистл кивнул самому себе, нервно присвистнув. Агент Эллиотт был довольно приятным парнем, но до Джерри долетали слухи о том, что бывает, когда Папаша выходит из себя. Энтвистл ни за что бы не хотел лично стать свидетелем гнева агента.

Все еще удерживая телефон у уха, он набрал номер второго человека в своем списке.

– Вудхёрст, – ответил тот по громкой связи.

Он сообщил Вудхёрсту те же сведения, что и Эллиотту. Генерал был радушен и вежлив и поблагодарил его. Агент Трэгер, заместитель агента Эллиотта, присутствовавший при разговоре, также тепло поблагодарил Энтвистла и попросил держать в курсе, как только появятся новые данные. Агент Трэгер был едва ли не самым дружелюбным из всех людей, кого он знал, так что Джерри был только рад помочь.

Оставался еще один звонок: Томлину. Когда этот телефонный разговор закончился, Жнецы уже готовились к отправке. Им были нужны детали. Потребовалась всего секунда, чтобы отыскать на карте Дир-Вотер-Спрингс. Это был

крошечный городишко, расположенный на удивление неподалеку от границы Джорджии и Флориды.

Они будут там в мгновение ока.

* * *

Папаша Эллиотт наблюдал за тем, как натренированные им люди готовятся к боевому заданию, и молчал. Ему нечего было им сказать: все, что он мог, он уже бесчисленное количество раз сказал им в прошлом.

Он в мельчайших подробностях описал случившееся во Вьетнаме – событие, которое и сделало его их основным инструктором. Все было весьма просто – он оказался единственным доступным человеком из числа тех, кто сражался с этим порождением кошмара и остался жив, чтобы рассказать об этом. По крайней мере, единственным, кто был готов об этом рассказать. Он встречался с другими. Эллиотт присутствовал при каждой встрече, на которой они допрашивали тех немногих найденных ими людей, кому посчастливилось пережить встречу с охотниками с иной планеты.

Не было еще никого, для кого эта встреча прошла бесследно. Смерть делает такое с людьми. За свою жизнь он повидал немало смертей, но мало что из них происходило откуда-то еще, и, по крайней мере, в большинстве своем эти смерти что-то да значили. Но только не убийства, сделанные этими... этими Хищниками. Их мотивы так и оставались за-

гадкой.

Эллиотт знал больше остальных, и, что немаловажно, был готов поделиться своими знаниями. И все же, его возможности были не безграничны, и он мог представить одну и ту же историю в новом свете ограниченное количество раз. Так что он в молчании наблюдал за сборами своей команды и мысленно возвращался к кошмару, с которым он столкнулся в джунглях Юго-Восточной Азии.

Два с лишним метра в высоту и ни сантиметром ниже. Они прострелили защитную линзу на одном из глаз существа, и открывшееся их взгляду зрелище на десятилетия оккупировало его кошмары. На основе его описаний и свидетельств других уцелевших было нарисовано свыше десяти различных изображений нападавшего. Единственное, что объединяло все эти изображения помимо потрясающей детализации, так это то, что все они бледнели по сравнению с настоящим монстром.

Обученные Папашей солдаты по-прежнему были в его глазах почти что мальчишками. Скорее всего, они встретятся с созданием, к встрече с которым вряд ли можно подготовиться. Инопланетянин крупнее и гораздо сильнее каждого из них, а еще он способен прятаться у всех на виду. И все же, агент Эллиотт вложил в тренировки Жнецов все, что мог. Они были обеспечены лучшим снаряжением, которое только можно купить за деньги – легким, мобильным и смертельно опасным.

Жнецы были способными солдатами, каждый в числе наиболее компетентных бойцов из всех, что он встречал за свою жизнь. Эллиотт знал это, потому что сам обучал их и нашел других инструкторов, которые хорошо вышколили его мальчиков в самых разных дисциплинах. В процессе тренировок каждый из бойцов пережил сражения, которые отправили бы на тот свет большую часть обычных солдат. И за все это время их отряд не потерял ни единого человека.

Но даже так Папаша все равно беспокоился. Инопланетная жизнь гораздо смертоноснее всего, с чем его мальчики когда-либо сталкивались. Скорее всего, пришелец будет оснащен технологиями, которые они могли только представить. Однако за последние сорок лет американские технологии тоже совершили значительный скачок вперед. Сегодня то оборудование, которое он использовал против твари сорок лет назад, сочли бы дряхлым антиквариатом.

И все же пришелец был способен путешествовать между планетами. За прошедшие годы наука его собственного мира также могла совершить не один рывок. Земные технологии по-прежнему не могли сравниться с вооружением инопланетянина.

Папаша очень надеялся, что ошибается.

Но скорее всего, он был прав. Он помнил.

Обстановка в лагере была относительно спокойной. Они ограничились обычными мерами безопасности – выенковцы, скорее всего, еще даже и не подозревали об их присутствии. Затем Мейпл показал ему фотографии останков тел, и они перешли на повышенную боевую готовность. Враг был рядом, и он оказался гораздо опаснее всех их ожиданий.

Генерал хотел знать, что за чертовщина творится в этих джунглях. Учитывая откровенную дикость убийств, они усилили меры безопасности и отдыхали посменно – четыре часа бодрствовали, четыре спали. Половина охраняла периметр лагеря. Вторая половина, парни, которым не повезло вытянуть короткие соломинки, уходила в джунгли на поиски.

Два дня и две ночи все было тихо. Эллиотт начал думать, что им повезло, что тот, кто совершил все эти убийства, кем бы он ни был, добился нужного ему эффекта и свалил. По правде говоря, именно такому порядку действий они обучали своих вьетнамских союзников, разве что здесь все было возведено в гораздо более мрачный абсолют. Проклятье, как бы его не нервировала подобная тактика, он видел преимущества столь радикального повышения уровня насилия.

А затем, на третье утро, Костанца, Горман и Харрис не вернулись из патруля. Не было радиоконтакта. Не было вспышек. Ничего. Все обитатели лагеря сидели как на игол-

ках.

Ночью пропавших нашли, и Эллиотт лично смог засвидетельствовать дикость убийцы. Все три головы отсутствовали. Оружие осталось при телах – убийца не потрудился его забрать. Один из убитых даже не успел выстрелить. Огромный древесный ствол разлетелся на части, и несколько толстых кусков древесины торчали из руки Харриса. Наземная мина? Сомнительно, учитывая, что зона поражения осколков не совпадала.

Что же это тогда было?

Очередной доклад генералу вылился в яростное требование действий. Так что на следующий день все оставшиеся агенты отправились на охоту. Они пошли все вместе, думая, что так будут в большей безопасности.

* * *

Воспоминания пробудили в Папаше отчаянную жажду.

8

Адреналин хотел разнестись по всему телу, но Томлин делал все возможное, чтобы побороть необоримую нервозность. Стоявший рядом Хилл уже оделся и дважды проверил снаряжение. Зам посмотрел на командира и, несмотря

на свою обычную манеру поведения, улыбнулся:

– Сегодня будет чертовски хороший день, я прямо чувствую это.

Томлин улыбнулся ему в ответ.

– Думаю, ты прав, но давай мы не будем слишком уж задаваться. Предполагается, что этих созданий чертовски сложно убить.

– Мы можем только надеяться, – улыбка и не думала исчезать с лица Хилла. – Мы справимся. Мы достаточно долго тренировались. У нас лучшее снаряжение. У нас лучшая подготовка. Давай сделаем это.

Томлин улыбнулся. Энтузиазм, особенно исходящий от Хилла, был заразителен.

– У...ра!

– В точку.

Они двигались быстро, каждый член команды занял положенное ему место на борту транспортного вертолета. Птичку проектировали, держа в уме скрытность, и хотя она несла все необходимое оборудование, у нее не было ни позывных, ни опознавательных знаков. Птичка, в точности как и ее пассажиры, была создана для анонимности.

Томлин подал пилоту знак взлетать, и мгновение спустя вертолет уже поднялся в воздух и устремился в темнеющее небо.

– Какова обстановка, шеф? – голос Пулвера звучал напряженно. Парень не любил сюрпризов. Никто из них не любил,

если по-честному, но для Пулвера приказ покинуть постель был равнозначен объявлению войны. Мало что на свете он ценил больше здорового ночного сна.

– Кажется, мы наконец-то вышли на след нашей первостепенной цели, – сообщил Томлин в передатчик. – Поступил сигнал, указывающий на то, что может оказаться самым настоящим инопланетным охотником. – Он переводил взгляд с одного бойца на другого. – Если информация подтвердится, мы отправляемся на охоту за существом, которое выслеживает и убивает людей одному богу известно зачем. Насколько нам известно, в городке к югу от самой границы Джорджии может находиться одно или несколько таких существ.

Как и Хилл несколько мгновений назад, все остальные бойцы улыбнулись при этой мысли. Ну, почти все. Хайд не улыбался, он уже находился в состоянии, которое Орологас однажды в шутку назвал «режимом убийцы». Стоило начаться очередному заданию, мужик начисто забывал о существовании чувства юмора. Хотя, по правде говоря, такая черта характера могла быть им на руку.

– Мы отправляемся навстречу неизвестной ситуации, – продолжил Томлин, – и пока что ориентируемся только на слухи. Достоверно известно лишь то, что нечто невидимое, если верить показанием свидетелей, убило больше пяти человек. Что бы это ни было, оно спокойно подняло в воздух мужчину весом в сто двадцать пять килограммов и выпустило ему кишки, пока он был еще жив. Что бы это ни было,

оно, предположительно, кровоточит зеленой кровью и оставило в живых несколько свидетелей. – Он прервался. – Все свидетели либо женщины, либо инвалиды.

Пулвер кивнул, моментально сообразив:

– Оно убило всех бойцов.

– Именно. Что бы это ни было, оно кажется заинтересованным в опытных противниках. Это соответствует характеристикам, а значит, мы официально в заднице, джентльмены. Или мы уложим эту тварь, или она уложит нас. – При этих словах Томлин улыбнулся. Описание совпадало с тем немногим, что они знали о пришельцах, охотившихся на людей на улицах Лос-Анджелеса, равно как и с тем немногим, что можно было выцепить из десятка других личных свидетельств.

Никто из парней не казался напуганным. Хорошо. Ему нужны были охотники, а не жертвы.

– Проверка снаряжения.

Бойцы быстро осмотрели коллекцию высокотехнологичных игрушек, выданных для выполнения задачи. Томлин надел очки ночного видения и проверил диапазон фильтров. Низкое освещение работает, инфракрасное работает, ультрафиолет работает. Всё в норме. Связь работает. Все остальное в норме. Короче, никаких технических трудностей быть не должно.

– Где мы собираемся искать эту тварь? – Орологас закончил проверять свое снаряжение и теперь раскладывал все об-

ратно по местам.

– Дир-Вотер-Спрингс, Флорида, – подал голос Хилл, – на значительном расстоянии от любого крупного городского центра.

– Хорошо, – Орологас кивнул и улыбнулся. Никому из них не были нужны осложнения, что в переводе с военного означало, что они хотели бы обойтись без свидетелей. Чем меньше людей, тем лучше для всех вовлеченных.

Пулвер поежился:

– Погодка будет говно.

– Может, поэтому нам и выпал этот шанс, – ответил Томлин. – Беспокойся лучше о том, что нам под силу контролировать. Все остальное зависит от удачи.

Пулвер слабо улыбнулся и кивнул. Он достаточно хорошо знал свое дело и просто хотел поддержать разговор.

– Осталось немного, джентльмены. Мы почти на месте. Как прибудем, начнем отлеживать каналы экстренной связи и постараемся выяснить, что еще тут творится.

Хилл кивнул и добавил:

– Эти твари, как все мы знаем, действуют по схожему сценарию. Они какое-то время охотятся, а затем уходят. Если нам повезет, то охота только началась, и у нас есть все шансы вычислить его местонахождение, пока пришелец все еще выискивает жертв.

– У нас будет доступ к полицейским отчетам?

Хайд подал голос, что было само по себе сюрпризом.

Орологас кивнул:

– У меня будут копии всего, что они занесут в компьютер, как только мы разобьем лагерь.

Ветра легонько потряхивали транспорт. Томлин закрыл глаза. Все его тело взывало к действиям, хотело приступить к делу и отправиться на поиски охотника с другой планеты. На это могут уйти часы, может, даже дни, и пока что все, что он мог делать – это отвечать на вопросы своих ребят и пытаться проявлять терпение.

* * *

Политика. Если спросить Вудхёрста, более уродливого слова еще поискать надо было. Когда ты солдат, ты пытаешься представить мир максимально черно-белым. Когда же речь заходила о мире политики, там не было ни черного, ни белого, – сплошные оттенки серого.

В мире политики не было поля битвы, лишь серия встреч, которые надлежало разыгрывать подобно шахматной партии. Шаг вперед, шаг в сторону, затем по возможности удар по диагонали, а затем надейся, что каким-то образом ты добился большего, чем твои оппоненты за аналогичное число ходов.

Разве что это больше напоминало сеанс одновременной игры на множестве шахматных досок с многочисленными оппонентами, нападающими на тебя одновременно. С мо-

мента прибытия в Вашингтон он провел уже четыре встречи с разными людьми, каждый из которых мог бы оказаться полезным на периферии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.